

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Поликарпов. Введение</i>	6
Вместо предисловия. Новый мировой порядок	29
Америка и Советский Союз. Экскурс в историю	
Крах «доктрины Брежнева»	47
«Доктрина Рейгана» и Горбачев	83
Америка в глобальном мире	
Америка на вершине: империя или лидер?	108
Отношения с Россией	119
Новый миропорядок — иначе хаос	131
Америка и путинская Россия	
Понять Путина	138
Украинский кризис и Путин	168
Дополняя Киссинджера. Архитекторы мирового порядка . . .	178

ВВЕДЕНИЕ

Возникшая в последние десятилетия особая глобальная элита — суперкласс, насчитывающий примерно шесть тысяч человек и состоящий из первых лиц крупнейших государств, руководителей наиболее преуспевающих международных корпораций, общественных и религиозных лидеров, — вершит судьбами мира. Эти представители глобальной элиты собираются на всемирных экономических форумах в Давосе и встречах Бильдербергской группы, т. е. они и образуют тайное правительство Запада, стремясь стать теневым мировым правительством.

«Каждый из членов этого суперкласса, — отмечает Д. Роткопф, — имеет возможность систематически оказывать воздействие на жизнь миллионов людей во множестве стран мира. Каждый из них активно пользуется своей властью и нередко укрепляет ее за счет налаживания отношений с другими членами суперкласса. В целом эпоха наследственной прижизненной власти осталась в прошлом, и, следовательно, сегодня исключительное положение большинства сверхвлиятельных людей недолговечно: по-настоящему отнести человека к суперклассу можно тогда, когда он продержался наверху как минимум достаточно долго, чтобы оставить след, то есть занять место в среде других членов суперкласса или как-то повлиять на нее, — примерно от двух до пяти лет».

Одним из долгожителей (несколько десятков лет) этих «сверхвлиятельных людей» является стратегический аналитик, дипломат и политик Г. Киссинджер, который является членом Бильдербергского клуба, Комитета-300, Совета по международной политике (Council on Foreign Relations — CFR) и других влиятельных международных организаций, являющихся,

согласно мнению конспирологов, структурами мирового тайного правительства.

Нынешняя администрация Белого дома косвенно, а порой и напрямую пользуется как оперативными, так и долгосрочными рекомендациями Киссинджера. А когда Г. Киссинджер выпустил книгу «Нужна ли Америке внешняя политика?», он заехал в Москву, к В. Путину. Относительно взаимоотношений Г. Киссинджера и В. Путина отечественный разведчик-аналитик И. Н. Панарин выдвигает следующее гипотетическое предположение: «А теперь я выскажу еще одну авторскую гипотезу, касающуюся вопросов обеспечения преемственности власти в России в конце XX века. Можно предположить, что именно Г. Киссинджер сыграл определенную роль, возможно, даже ключевую, в выдвижении В. Путина на роль лидера России. Неслучайно же сам В. В. Путин в своей первой книге 2000 года детально описывает процесс их знакомства, когда он был еще питерским чиновником...».

Российские массмедиа также подчеркивают значимую роль Киссинджера в современной политике. А. Пушков, ведущий на ТВЦ программы «Постскриптум», подчеркивает: «Генри Киссинджер, патриарх американской дипломатии... каждый год приезжает, встречается с Путиным...».

* * *

Кто же такой Генри Киссинджер? Взлет его карьеры начался при президенте Р. Никсоне, когда он был назначен и помощником президента по национальной безопасности, и государственным секретарем. До прихода в аппарат Белого дома Г. Киссинджер занимался научными исследованиями в Гарвардском центре международных отношений, временно размещавшемся в помещении Гарвардского семитского музея (не следует забывать, что Гарвардский университет является одним из мощных аналитических центров Америки). Наряду с этим он находился на службе у Нельсона Рокфеллера, самого серьезного соперника Р. Никсона на президентских выбо-

рах (к тому же он в 1964 году женился на помощнице Н. Рокфеллера).

Перед Второй мировой войной Г. Киссинджер в составе своей еврейской семьи прибыл в Америку, во время Второй мировой войны служил переводчиком в УСС (Управлении Стратегических Сил), потом поступил в Гарвардский университет, после окончания которого стал заниматься аналитическими исследованиями в основанном Рокфеллером и Морганом Совете по международным отношениям и читать лекции в Гарвардском университете. Затем волею причудливого и неожиданного стечения обстоятельств, уотергейтского скандала и рухнувшего авторитета президентской власти Г. Киссинджер предстал воплощением легитимности правительства Америки: общественный имидж Киссинджера вырос до колоссальных размеров и заполнил вакуум власти, образованный дискредитировавшим себя высшим лицом исполнительной власти. Он стал — для Вашингтона, средств массовой информации, мирового капитала — необходимой политической фигурой, которая олицетворяла авторитет и преемственность в период, когда доверие Америки подвергалось жестоким испытаниям.

Мощный потенциал стратегического аналитика Г. Киссинджера был замечен правящей элитой Америки, поэтому не случайно, что пришедший к власти президент Р. Никсон назначил его на пост помощника по национальной безопасности (1969–1975). Этот пост играет ключевую роль в администрации при подготовке различных вариантов внешнеполитических решений, предлагаемых на выбор президенту. Возможность подбирать варианты решений позволяет частично влиять на их выбор, поскольку именно помощник президента осуществляет предварительный отбор, определяя сам, какие варианты стоит предлагать, а какие — нет. Это был самый плодотворный период деятельности Киссинджера во внешней политике Америки. Его дипломатия совмещала в себе невиданную ранее интенсивность международных встреч — как публичных, между главами государств и внешнеполитиче-

ских ведомств, так и секретных, в виде закулисных переговоров. По некоторым подсчетам, только за период 1969–1972 он совершил 29 поездок в 26 стран мира. Такое урегулирование проблем путем интенсивных двусторонних переговоров получило название «челночная дипломатия». Его прагматичный подход к международным отношениям в духе Realpolitik («реальной политики»), избавленной от излишней идеологизированности, позволил ему достичь разрядки в отношениях США и Запада в целом с Советским Союзом. В 1971 было подписано Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, а в 1972 — Соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1).

Более того, президент Р. Никсон назначил Г. Киссинджера также и на пост государственного секретаря (1973–1977). Практически это единственный случай, когда произошло совмещение таких двух важнейших постов американской администрации в лице одного человека — дипломата и политика Г. Киссинджера. В данном случае имеет значение тот факт, что Г. Киссинджер является доверенным лицом семейства Рокфеллеров, которое прекрасно знает механизмы функционирования их транснациональной империи и которое представляет собою «Макиавелли № 2», «мастера по закулисным переговорам» в современной дипломатии.

* * *

Это знание пригодилось ему как государственному секретарю, определявшему внешнеполитическую деятельность Америки во времена президента Р. Никсона, и как советнику президента Америки по национальной безопасности (оба они — члены СМО). В этом плане заслуживает внимания замечание А. Ситнина, заместителя начальника Управления внешней политики Администрации президента России в 2002–2005 годах, который пишет: «Следует сказать, что мы не совсем правильно понимаем себе организацию работы внешнеполитических ведомств Соединенных Штатов Америки. Они устроены по принципу бизнес-корпорации, аналогич-

ной «Кока-кола» или «Дженерал моторс». То есть люди, которые там работают, они воспринимают это как обычный бизнес-проект по продвижению в данном случае товара особого рода, на то, что называется «emerging markets». Это огромный бизнес. Он состоит, наверное, общая оценка его исчисляется в десятках миллиардов долларов. В основном, естественно, связанные, обслуживаемые бюджетом США. И на него работают, я думаю, сотни тысяч человек по всему земному шару. Остановить этот бизнес в одночасье так же невозможно, как и невозможно остановить работу крупной корпорации.

Говорить, что они к нам относятся хорошо или плохо, совершенно бессмысленно. Они относятся к нам так же, как «Кока-Кола» относится к «Пепси-Коле». Она с ней борется, но сказать, что сотрудники «Кока-Колы» любят или не любят «Пепси-Колу», — это абсурд. Скорей всего, они и сами, может быть, и не пьют ни того, ни другого». Другими словами, лидеры Америки и России могут сколько угодно симпатизировать друг другу, однако это ничего не изменит в функционировании громадной бизнес-машины. Все дело заключается в том, что люди получают очень серьезные деньги, поэтому остановить эту машину способен только какой-нибудь глобальный катаклизм. «Вот это, на мой взгляд, момент, который в значительной степени недопонимается. Мы имеем дело не с какой-то такой централизованной системой, с которой можно о чем-то договариваться, а имеем дело с такой своеобразной матрицей, которая работает, в общем-то, вне зависимости от того, какой уровень существует между первыми лицами».

Вся эта огромная машина распределяет значительные финансовые средства в виде грантов, денежных премий и других форм поощрения среди населения той или иной страны, формируя тем самым колоссальную и самодвижущуюся агентуру влияния. «И вот после крушения Союза выяснилось, что вся эта машина рассматривает полем своей деятельности уже не только окраины империи, но и собственно саму Россию». Иными словами, государственный департамент Америки — это мощная машина, оказывающая немалое влияние на ми-

ровую политику, эффективность которой определяется ее децентрализованным характером.

Следует также иметь в виду то существенное обстоятельство, что государственный департамент Америки выстроен по образцу секретного общества, чтобы осуществлять тайное управление мировыми процессами. Ведь именно при президенте В. Вильсоне полковник Э. Хауз (1858–1938) создал по образцу английской секретной службы МИ-6 разведку госдепартамента США. Более того, им в 1916 году был организован внутри внешнеполитической разведки государственного департамента Америки специальный секретный Аналитический центр, который находился в оперативном подчинении МИ-6 и финансировался из секретных фондов Банка Англии. «Аналитический Центр идеологически подчинялся лондонскому обществу «Круглый стол», а следовательно, глобалистам. Этот Центр, помимо аналитической деятельности, занимался организацией финансирования Троцкого-Бронштейна, развивавшего идею мировой революции.

Именно этот Центр стал разрабатывать идеологию глобализма, которая встретила осуждение и сопротивление со стороны большей части американского истеблишмента. По сути, именно тогда и началось условное разделение американской элиты на две группы: глобалистов (интернационалистов, троцкистов) и государственников (изоляционистов, сталинистов, националистов). Именно Аналитический центр Э. Хауза стал основой для формирования Совета по международным отношениям, который был учрежден американским банкиром Морганом в 1921 году при активнейшей поддержке государственного секретаря США Э. Рут, семьи Рокфеллеров, финансовых домов Мэлона, Форда и Карнеги».

* * *

Роль и значение Г. Киссинджера в мировой политике наглядно проявились в 1973 году, когда началась арабо-израильская война и нефтяной кризис. Поскольку Америка поддерживала Израиль, постольку ее задачей номер один было

скорейшее заключение перемирия, согласно которому воюющие стороны отойдут на свои предвоенные позиции, а затем последуют усиленные поиски разрешения конфликта дипломатическим путем. Однако у Израиля в силу внезапности нападения быстро закончились боевые припасы, поэтому Америка решила обеспечить его некоторыми видами вооружения. Ситуация осложнилась тем, что в начале октября 1973 года Советский Союз стал осуществлять массированные военные поставки сначала в Сирию, силы которой начали отступать, а затем в Египет и одновременно с этим привел в состояние боевой готовности военно-десантные войска, призывая другие арабские страны вступить в войну.

«В этот же день Соединенные Штаты приступили к переговорам о возможности полетов большего числа самолетов ElAl без опознавательных знаков для доставки дополнительных военных грузов в Израиль. Одновременно госдепартамент стал оказывать нажим на американских коммерческих перевозчиков, побуждая их начать чартерные перевозки военного снаряжения в Израиль. Киссинджер считал, что такое решение вопроса будет свидетельствовать об относительно сдержанной позиции США и поможет избежать отождествления Соединенных Штатов с Израилем. «Мы понимали, что необходимо беречь чувство собственного достоинства арабов», — позднее говорил Киссинджер. Но вскоре стали очевидны огромные масштабы советских военных поставок, и в четверг 11 октября американцам уже было ясно, что без военной помощи Израиль проиграет войну. Согласно формулировке Киссинджера и в еще большей степени Никсона, Соединенные Штаты не могли допустить, чтобы их союзник был побежден с помощью советского оружия. Более того, кто мог представить себе последствия сражения до последней капли крови?».

Вместе с тем на арабо-израильскую войну наложилось объявление делегацией ОПЕК в Вене 100-процентное увеличение цены на нефть, что могло вызвать в случае расширения военных поставок вооружения Америкой Израилю возмездие в виде «эффекта снежного кома». Иными словами речь шла

об использовании нефти в качестве оружия, причем оружия весьма сильного в мире, где нефть является фундаментом существования сообщества цивилизаций.

Опасаясь нефтяного эмбарго, Америка предприняла энергичные меры параллельно совещанию министров нефти арабских стран в Эль-Кувейте, когда сначала Киссинджер, а затем Никсон вместе с Киссинджером приняли четырех арабских министров во главе с саудовцем Омаром Саккафом, которого Киссинджер характеризовал как человека «спокойного и мудрого». «Встреча проходила в обстановке сердечности и, казалось, между ее участниками вырисовываются некоторые общие точки зрения. Никсон обещал прикладывать все силы к заключению перемирия, что позволит «вести работу в рамках резолюции 242», то есть той резолюции Организации Объединенных Наций, в соответствии с которой Израиль должен вернуться на исходные границы 1967 года. Государственный министр Саудовской Аравии, казалось, подтверждал, что Израиль имеет право на существование, пока будет находиться в границах 1967 года. Киссинджер пояснял, что возобновление американских поставок Израилю не следует воспринимать как действие, направленное против арабов, что это скорее вопрос отношений «между США и СССР»: Соединенные Штаты были вынуждены прореагировать на русские поставки вооружений. Положение, ранее существовавшее в регионе, добавил он, неприемлемо, и, когда война закончится, Соединенные Штаты возьмут на себя активную дипломатическую роль в достижении позитивного мирного урегулирования».

В итоге президент Р. Никсон пообещал Саккафу помощь Г. Киссинджера как посредника, что должно было являться, по-видимому, безусловной гарантией успеха. Он стремился убедить Саккафа и других министров, что, несмотря на свою национальность, Г. Киссинджер «не был подвержен давлению внутренних, то есть еврейских кругов». Далее Р. Никсон сказал: «Я понимаю, что вас смущает тот факт, что Киссинджер — американец еврейского происхождения. Американец еврейского происхождения может быть хорошим американцем, и

Киссинджер — это хороший американец. Он с удовольствием будет работать с вами». Если Г. Киссинджеру было весьма неприятно и он еле сдерживал ярость, то Саккаф выглядел растерянным, ему пришлось ограничиться фразой: «Мы все в какой-то степени семиты».

* * *

После встречи Г. Киссинджер сообщил своему аппарату, что на совещании вообще не было никаких упоминаний о нефти, что арабы вряд ли будут использовать нефть в качестве оружия против Соединенных Штатов Америки. Однако это именно и случилось: «В субботу 20 октября в два часа ночи Киссинджер вылетел в Москву для обсуждения условий перемирия. Уже в самолете он узнал еще одну ошеломляющую новость: в ответ на продолжение военной помощи Израилю Саудовская Аравия, перешагнув установленный порог сокращения добычи, прекратила все до последнего барреля поставки нефти в Соединенные Штаты. Другие арабские страны уже поступили так же или готовились к этому. Нефтяное оружие теперь полностью вступило в игру, оружие, по словам Киссинджера, «политического шантажа». В результате существовавший почти тридцать лет послевоенный нефтяной порядок окончательно прекратил свое бытие, причем нефтяное эмбарго вызвало нефтяной кризис в Америке...

Не только введение нефтяного эмбарго потрясло Америку, президентство Р. Никсона было поставлено под сомнение Уотергейтским делом, переросшим в серию скандалов. «Развитие уотергейтской эпопеи во время октябрьской войны, жаркий интерес к ней всей страны, влияние ее на ход войны и введение эмбарго, на умы и чувства американцев — все это сплеталось в одно целое и придавало странную и сюрреалистическую окраску этой центральной драме, разыгрывавшейся на мировой арене». Результатом переплетения целого ряда обстоятельств фактическое руководство американской внешней политикой перешло к Г. Киссинджеру, который был помощником президента по вопросам национальной безопас-

ности и стал только что и государственным секретарем. Ему удалось стать той политической фигурой, которая сумела сохранить авторитет и преемственность власти тогда, когда Америка чуть не лишилась доверия на мировой арене.

Это было время слишком большого числа событий, которые привели в замешательство средства массовой информации, общественное мнение и правительства многих стран, которые имели самые серьезные последствия для положения на Ближнем Востоке и для нефтяного бизнеса. «Эмбарго возвестило эру новых отношений в мире нефти. Как война была явлением слишком важным, чтобы отдавать ее на откуп генералам, так и решение нефтяных проблем, которые приобрели теперь такое колоссальное значение, не следовало предоставлять нефтяной отрасли. Нефть уже стала территорией президентов и премьеров, министров иностранных дел, финансов и энергетики, конгрессменов и парламентариев, регулировщиков и «царей», активистов и ученых мужей и в особенности Генри Киссинджера, который с гордостью заявлял, что до 1973 года мало смыслил в нефти и крайне мало в мировой экономике. Он предпочитал политику и большую стратегию. В первые месяцы введения эмбарго он неоднократно говорил своим помощникам: «Не докладывайте мне о баррелях нефти — для меня это как бутылки кока-колы. Я этого не понимаю!».

Тем не менее, как только в игру вступило нефтяное оружие, этот акробат от дипломатии делал больше, чем кто-либо другой, чтобы этот меч вложили обратно в ножны». Заслуга Г. Киссинджера в том, что дипломатическим путем он сумел «вложить меч — нефтяное оружие — обратно в ножны», предотвратив пожар новой кровопролитной войны.

Следует также отметить, что Г. Киссинджер внес значительный вклад в урегулирование дипломатических отношений между Америкой и Египтом, содействовал подписанию израильско-сирийского соглашения 1974 года.

С этого времени авторитет Г. Киссинджера как стратегического аналитика, политика и дипломата вырос неизмеримо,

без него не обходилось и не обходится ни одно важное событие в мировой политике и международных отношениях.

* * *

Каким же образом Г. Киссинджер решал задачи, требующие фактически изменения конфигурации международных отношений? В данном случае Г. Киссинджер использовал изобретенную им «челночную дипломатию», которая оказалась гораздо эффективней традиционной дипломатии и которая носит тайный характер. Как-то раз во время интервью журналист попросил Киссинджера пояснить на примере, в чем ее смысл.

«О, это очень просто, — улыбнулся Киссинджер. — Допустим, я прихожу к Рокфеллеру и спрашиваю:

— Послушайте, Рокфеллер, вы хотите заполучить в зятья «крутого» сибирского мужика?

— Что за идея взбрела вам в голову, — недоумевает Рокфеллер. — Зачем мне это?

— А если он клиент швейцарского банка? — настаиваю я.

— Это другое дело, — говорит он.

Дальше — совсем просто. Я иду в банк и спрашиваю:

— Хотите, чтобы вашим клиентом стал «крутой» сибирский мужик?

— Этого еще нам не хватало! — возмущается директор банка.

— Ну а если он зять Рокфеллера? — говорю.

— Это меняет дело, — заинтересовывается директор банка.

Теперь наступает завершающий этап. Я приезжаю к «крутому» сибирскому мужику и предлагаю:

— Хочешь жениться на американке?

Он пожимает плечами:

— Зачем это мне?

Я снабжаю его дополнительной информацией:

— А если она дочь Рокфеллера?..

— Ну, это — совсем другое дело, — соглашается он.

Остается суцкая ерунда.

Я посещаю дочь Рокфеллера и спрашиваю ее:

— Хочешь выйти замуж за клиента швейцарского банка?

— Эка невидаль! — отвечает она. — Таких клиентов вокруг — пруд пруди. Выбирай любого...

— Ну а если он «крутой» сибирский мужик?

Выражение ее лица меняется.

— Так бы сразу и сказал!».

Данная социальная технология косвенного управления предполагает тайную политику (и дипломатию), которая будет эффективной и приведет к определенным результатам только тогда, когда тайное управление социальными процессами является последовательным, когда оно длится определенное время и когда оно основано на знании закономерностей управления обществом.

* * *

Современный апологет Меттерниха Г. Киссинджер стремится воссоздать миропорядок — новый Священный Союз — на основе консервативных антидемократических ценностей, хотя сам Г. Киссинджер отрещивался от прямых аналогий с Меттернихом. В свое время помощник президента Никсона по национальной безопасности Г. Киссинджер стремился не допустить сближения Советского Союза и Китая «за счет перекрещивающихся договоренностей с обеими коммунистическими державами».

В этом плане заслуживает внимания недавний (начало 2012 года) визит в Москву Г. Киссинджера и его встреча с В. Путиным, целью которой, вполне вероятно, было не допустить союза России и Китая. Здесь следует иметь в виду факт публикации в печатном органе ЦК КПК «Женьминьжибао» статьи, где России предлагался союз с Китаем против Америки и НАТО. Необходимо учитывать, что Г. Киссинджер — великолепный дипломат, он мастер использовать в переговорах «мягкую» силу, причем он менее ангажирован, чем З. Бжезинский.

Ведь Г. Киссинджер теперь не тот, кем он был во время проведения информационной войны против Советского

Союза вместе с глобалистами типа З. Бжезинского. Сейчас перед нами Г. Киссинджер, «активно содействовавший приходу к власти в России президента В. В. Путина, однозначно ставший на позиции государственников после событий 11 сентября 2001 года».

Именно по инициативе Г. Киссинджера в 2006 году министром обороны Америки стал государственный Р. Гейтс, именно доминировавшие в системе силовых структур его сторонники сумели заблокировать попытки начать новую мировую войну. «Но очередная мировая бойня была единственным способом предотвращения финансового кризиса. А в связи с тем, что война не началась, крах банков, контролируемых глобалистами, стал практически неизбежным. За августом 2008 года последовал сентябрь, когда рухнули ключевые банки Уолл-стрит. Начался глобальный кризис».

Иными словами, Г. Киссинджер сыграл немалую роль в предотвращении новой мировой войны, которая окончательно решила бы проблему третьего передела мира. Не следует забывать, что Г. Киссинджер числится в списке бывших и нынешних членов «Комитета-300», представляющего собою, по мнению конспирологов, современную организационную форму мирового правительства. Но независимо от того, является Г. Киссинджер членом мирового правительства или нет, он, несомненно, обладает немалым политическим весом на глобальном уровне, чтобы оказывать влияние на происходящий третий передел мира с позиции государственников Америки.

* * *

Выше отмечалось, что благодаря деятельности стратегического аналитика, дипломата и политика Г. Киссинджера на протяжении почти нескольких десятилетий XX века изменилась конфигурация мира. Это изменение конфигурации мира включает в себя доктрину ядерного сдерживания, завершение войны во Вьетнаме, установление дружественных отношений между Америкой и Китаем, достаточно хорошие торговые и культурные отношения Америки с Советским Сою-

зом, однако ядром стратегии информационной войны против Советского Союза является создание условий для появления диссидентского движения, что и привело к распаду нашей страны. «Можно смело утверждать, — пишет И. Панарин, — что у истоков развала СССР вторым после А. Даллеса стоял Г. Киссинджер».

Как считает И. Панарин, со временем Г. Киссинджер изменил свои представления о мире и России, а именно: в результате борьбы внутри американской политической элиты с позиции глобализма, которой до сих пор придерживается З. Бжезинский, он перешел на сторону государственников Америки. Это якобы обусловлено тем, что многие члены «Комитета-300» не в курсе дел относительно истинных тайных замыслов глобалистов (согласно наблюдениям И. Панарина, около одной трети членов «Комитета-300» входят в состав тайного сообщества глобалистов). Об этом говорит и то, что в августе 2008 года часть членов «Комитета-300» положительно отнеслась к вооруженному отпору Россией агрессии Грузии в Южной Осетии.

«В ближайшие годы произойдет раскол внутри «Комитета-300», — утверждает И. Панарин, — и глобалисты останутся в меньшинстве. Этот процесс начался в августе 2008 года. Истинная сущность профессора Мориарти (под ним подразумевается З. Бжезинский. — *Авт.*) становится понятной. Именно по инициативе людей, вставших в августе 2008 года на сторону России, появляется великолепный фильм «Шерлок Холмс — 2010». Его уже посмотрели десятки миллионов людей во всем мире. И неслучайно он появился вслед за кинофильмом «Аватар».

Именно факт потери интеллектуальной власти в «Комитете-300» виртуальным профессором Мориарти (реальный — Збигнев Бжезинский) и станет определяющим при переходе к новой модели развития человечества. Информационные потоки мировой разведки раскроются перед многими членами «Комитета-300» в период с 21.03.2011 по 21.12.2012.»

Следует отметить, что данное утверждение И. Панарина выглядит весьма парадоксальным и что оно было подвергнуто сомнению многими аналитиками и экспертами.

Однако И. Панарин продолжает строить свои предположения и утверждает: «Итак, позвольте мне высказать свою собственную гипотезу об эволюции взглядов Г. Киссинджера за 10 лет, с 1991 по 2001 год. Это было первое десятилетие без СССР, в развале которого режиссер-идеолог информационной войны против СССР Г. Киссинджер сыграл ключевую роль. С моей точки зрения, Г. Киссинджер, входящий в состав высшей элиты США, после распада СССР, в котором он сыграл важнейшую роль, несколько изменил свои взгляды. Такие случаи крайне редки в мировой политике, но тем не менее иногда они происходят. С моей точки зрения, ему открылись все негативные моменты глобализма... Конечно же, этот процесс не был одномоментным и занял несколько лет. Примерно с 1995 года начался процесс стратегического расхождения двух ключевых режиссеров-идеологов информационной войны против СССР: З. Бжезинского и Г. Киссинджера.

Сотрудник британской разведки МИ-6 З. Бжезинский, глубоко внедренный в высшую элиту США, является высокопоставленным идеологом глобализма. Его влияние на эту идеологию неоспоримо. Можно даже утверждать, что именно З. Бжезинский является наиболее последовательным интеллектуалом, занимающимся идеологическим обеспечением деятельности глобализма. З. Бжезинский родился на территории Польши, в семье сотрудников британской разведки, давно внедренных в дипломатические структуры Польши, и это не случайно. Как я уже отмечал, именно Польша является государством — «троянским конем», предназначенным для «рассечения» единства Европы и Евразийского пространства. Поэтому исторически глобалисты создали на территории Польши мощные центры, которые искали людей, из которых потом формировали специальные ударные спецотряды для борьбы против Третьего Рима. Этот процесс шел на протяжении последних 600 лет.

Концептуальная разница во взглядах З. Бжезинского и Г. Киссинджера проявилась в 1997–1998 годах, после появления их авторских трудов: «Великая шахматная доска» и «Дипломатия». Главный идеолог глобализма З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» вновь призывал к необходимости расчленения России на несколько частей.

Несколько иным был взгляд Г. Киссинджера, очень высоко оценившего деятельность генералиссимуса Сталина».

* * *

Перед окончанием срока действия администрации Дж. Буша-младшего Г. Киссинджер сделал следующий прогноз относительно будущего развития мирового сообщества цивилизаций. В своем интервью «Три революции» Г. Киссинджер говорит:

«Общенациональные дебаты о национальной безопасности, о необходимости которых говорят уже давно, все никак не начнутся. По сути, вопросы тактики затмили самую важную проблему, с которой столкнется новая администрация США, а именно: как «вычленил» некий новый мировой порядок из трех революций, которые сейчас одновременно происходят на нашей планете: это а) преобразование традиционной государственной системы Европы; б) угроза радикального исламизма, бросающего вызов исторически сложившейся концепции суверенитета; и в) смещение «центра тяжести» международных отношений с Атлантики к Тихому и Индийскому океанам.

По распространенному мнению, корнем разногласий между Европой и Америкой является гипотетическая доктрина однополярности, которой придерживается президент Буш. Но вскоре после смены администрации США станет очевидно, что главное разногласие между двумя сторонами Атлантики состоит в другом: Америка остается традиционным национальным государством, и ее население откликается на призывы чем-то пожертвовать ради национальных интересов, понимаемых намного шире, чем в Европе.

Государства Европы, истощенные двумя мировыми войнами, согласились передать Европейскому союзу важные аспекты своего суверенитета. Однако, как оказалось, узы политической верности, которые ассоциируются с национальным государством, автоматической передаче не поддаются. Европа переживает переходный период: она на полпути между своим прошлым, от которого стремится уйти, и будущим, которого еще не достигла.

В ходе этого процесса подвергся метаморфозе характер европейского государства. Поскольку страны больше не мыслят себя как имеющие индивидуальное будущее, но сплоченность Евросоюза пока не подвергалась испытаниям на прочность, большинство европейских правительств теперь намного менее способно просить свое население чем-то пожертвовать. Государства, дольше всего существующие как преемственные структуры, например Великобритания и Франция, наиболее охотно берут на себя международные обязательства, связанные с применением военной силы.

Все это видно на примере разногласий вокруг использования сил НАТО в Афганистане. После 11 сентября 2001 года Совет НАТО, действуя без каких-либо просьб со стороны ООН, призвал к взаимопомощи на основе 5-й статьи Североатлантического договора. Но когда НАТО приступило к практической реализации обязательств, касающихся военной сферы, многие союзники были вынуждены, подчиняясь ограничениям в законодательстве своих стран, сократить численность воинского контингента и сузить количество миссий, сопряженных с опасностью для жизни. В результате Североатлантический альянс находится в процессе перерождения в двухъярусную систему — такую структуру с гибкими правилами членства, потенциальная способность которой к слаженным действиям не отвечает ее общим обязательствам. Со временем произойдет трансформация либо в одну, либо в другую сторону: общие обязательства будут пересмотрены или будет формально закреплена двухъярусная система, где политические обяза-

тельства и военный потенциал будут как-то уравниваться путем некой системы альянсов по доброму согласию.

В Европе традиционная роль государства уменьшается, поскольку так сознательно решили правительства. На Ближнем Востоке сужение роли государства заложено в том, как были основаны местные государства. Государства, которые стали преемниками Оттоманской империи, были учреждены державами-победительницами после окончания Первой мировой войны. Их границы, в отличие от границ европейских государств, отражают не рубежи расселения народностей или распространения определенных языков, а соотношение сил между европейскими державами, споры которых не имели прямого отношения к данному региону.

Сегодня этим и без того хрупким государственным структурам угрожает радикальный ислам, что выражается в фундаменталистском понимании Корана как основы некой универсальной политической организации. Джихадистский ислам отвергает национальный суверенитет, основанный на моделях светской государственности; он стремится распространять свое влияние на все районы, где значительная доля населения — мусульманского вероисповедания. Поскольку в глазах исламистов не имеет законного статуса ни структура международного сообщества, ни внутренние структуры существующих государств, эта идеология почти не оставляет места для западных концепций переговоров или равновесия в регионе, который жизненно важен для безопасности и благополучия промышленно-развитых государств. Эта схватка имеет эндемический характер; мы не имеем возможности от нее отстраниться. Мы можем отступить из какой-то отдельно взятой области, например из Ирака, но это лишь вынудит нас оказывать сопротивление на других огневых позициях, которые, вероятно, будут для нас еще менее выгодными. Даже приверженцы идеи одностороннего вывода войск из Ирака говорят о том, что надо оставить там некий контингент, дабы предотвратить новое усиление «Аль-Каиды» и радикализма.

Эти преобразования происходят на фоне третьей тенденции — смещения «центра тяжести» международной политики с Атлантики к Тихому и Индийскому океанам. Как это ни парадоксально, такое перераспределение мощи благоволит части мира, где страны пока сохраняют черты традиционных европейских государств. Основные государства Азии — Китай, Япония, Индия, а со временем, возможно, Индонезия — смотрят друг на друга так, как участники европейской системы сил и противовесов в былые времена: как на конкурентов по определению, даже когда изредка участвуют в совместных делах.

В прошлом подобные перемены в структуре мощи обычно влекли за собой войны; так случилось после укрепления Германии в конце XIX века. Сегодня многие встревоженные комментаторы приписывают сходную роль Китаю, который усиливается. Верно, что в китайско-американских отношениях неизбежно будут содержаться классические элементы геополитического соперничества и конкуренции. Не следует упускать их из виду. Но есть и другие элементы, которые служат противовесами. Экономическая и финансовая глобализация, срочные задачи, касающиеся окружающей среды и энергетики, а также разрушительная мощь современного оружия — все это требует активно заняться международным сотрудничеством, особенно между США и Китаем. Если эти страны будут видеть друг в друге противников, обе они окажутся в том же положении, что и Европа после двух мировых войн, когда другие страны заняли то видное место, которое стремились занять европейские страны путем саморазрушительных конфликтов друг с другом.

Еще ни одному поколению человечества не приходилось иметь дело с несколькими различными революциями, одновременно происходящими в разных частях света. Попытка разработать единый, универсальный рецепт — это погоня за химерой. В мире, где единственная сверхдержава отстаивает прерогативы традиционного национального государства, где Европа застряла на промежуточной стадии, где Ближний Вос-

ток не вписывается в модель национального государства и находится на грани революции по религиозным мотивам, где государства Южной и Восточной Азии до сих пор практикуют принцип баланса сил, — как должен выглядеть в этом мире международный порядок, способный удовлетворить все эти разнородные перспективы? Какую роль следует играть России, которая декларирует понимание суверенитета, сравнимое с американским, и стратегическую концепцию баланса сил, сходную с азиатской? Годятся ли в этих обстоятельствах уже существующие международные организации? Какие реалистичные цели Америка может поставить перед собой и перед мировым сообществом? Достижимо ли внутреннее преобразование крупнейших стран? Каких целей следует добиваться сообща и в чем состоят чрезвычайные обстоятельства, оправдывающие односторонние действия?

Вот о чем нам следует дискутировать, а не о слоганах, разработанных с расчетом на целевые группы и попадание в заголовки газет» [Конец цитаты].

* * *

Фундаментальные тенденции, отмеченные Киссинджером, имеют ключевое значение для глобальной политики и мировой экономики. Ведь современная «рыночная экономика» представляет собою громадный всемирный пузырь, созданный по рецептам заигравшихся в экономику неолибералов. «Все это способствует уменьшению глобалистской эйфории, а также снижению активности мантрических танцев вокруг возведенного в культ постиндустриально-цифрового общества, зиждущегося на кредитно-долговых пузырях. Те государства, которые некоторое время назад добровольно отказались от собственных идей национального развития... начинают задумываться над самоидентификацией, источниками и векторами формирования стратегических приоритетов собственной внутренней и внешней экономической политики».

Все дело заключается в том, что усеченный суверенитет влечет за собой ограниченное пространство, необходимое

для политических и экономических маневров. Знаменательно признание Г. Киссинджера, которое показывает то, что происходит в данный момент в мире, и особенно на Ближнем Востоке. (Это признание было сделано Киссинджером 16 января 2012 года). «Соединенные Штаты минимизируют Китай и Россию, и последним гвоздем в их гроб будет Иран, который, конечно же, главная цель Израиля. Мы позволили Китаю увеличить свою военную мощь, дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали им ложное чувство превосходства, но все это вместе быстрее приведет их к гибели. Мы, как отличный стрелок, не нуждаемся в выборе оружия, подобно новичкам, и, когда они попытаются, мы сделаем «банг-банг». Грядущая война будет настолько серьезной, что только одна сверхдержава может выиграть, и это будем мы. Вот почему ЕС так торопились, чтобы сформировать свою сверхдержаву, потому что они знают, что грядет, и, чтобы выжить, Европе придется быть единым целым сплоченного государства. Эта безотлагательность говорит мне, что они хорошо знают, чего ждать от нас. О, как я мечтал об этом восхитительном моменте».

Г. Киссинджер затем добавил: «Если вы обычный человек, то вы можете подготовиться к войне, переехав в сельскую местность, но вы должны взять оружие с собой, так как повсюду будут бродить орды голодных. Хотя элита будет иметь собственные убежища и приюты для специалистов, они должны быть столь же осторожными во время войны, как рядовые граждане, так как их убежища тоже будут под угрозой».

Сделав паузу в несколько минут, чтобы собраться с мыслями, г-н Киссинджер продолжил: «Мы говорили нашим военным, что нам придется взять на себя семь ближневосточных стран из-за ресурсов, и они практически завершили свою работу. Вы знаете, какого я мнения о наших военных, но я должен сказать, что они выполняли приказы излишне рьяно этот раз. Это всего лишь последняя ступенька, так как Иран действительно нарушает баланс. Как долго Китай и Россия будут стоять и смотреть, как Америка убирает их? Великий русский

медведь и Китайский дракон будут вынуждены пробудиться от спячки, и в это время Израиль должен будет бороться со всеми силами, чтобы убить как можно больше арабов — столько, сколько он сможет. Надеюсь, если все пойдет хорошо, половина Ближнего Востока станет израильской.

Наша молодежь обучалась за последнее десятилетие или около того в компьютерных играх, это интересно видеть по новым играм Call of Duty и Warfare 3, которые отражают именно то, что грядет в ближайшем будущем с его интеллектуальным программированием. Молодые люди в США и на Западе готовы, потому что они были запрограммированы, быть хорошими солдатами, пушечным мясом, и, когда им прикажут выйти на улицы и бороться с сумасшедшими китайцами и русскими, они будут подчиняться приказам.

Из пепла мы будем строить новое общество, и в нем останется только одна сверхдержава, и это будет глобальное правительство, которое выигрывает. Не забывайте, что Соединенные Штаты имеют лучшее оружие, которого не имеет никакой другой народ, и мы покажем это оружие миру, когда придет нужное время».

* * *

На недавно состоявшемся Петербургском международном экономическом форуме Г. Киссинджер заявил, что события в Ливии и Сирии являются частью большого стратегического плана Америки.

Это значит осуществление мирового порядка с американоцентричной точки зрения, что будет достигаться одновременно тремя различными путями:

- 1) создание собственно Американской империи как ядра среди близкого к хаосу окружения;
- 2) создание многостороннего однополярного мира во главе с Америкой;
- 3) форсирование глобализации с целью создания мирового правительства и Соединенных Штатов Мира, управляемых глобальной элитой.

Некоторые аналитики приходят к выводу о том, что в результате будет выстроен «четвертый Рим» — принципиально новый универсум, где все подчинено деньгам.

«Мир денег в некоем логическом пределе, — пишет А. И. Неклесса, — утверждает новую универсальность — унифицированную, анонимную власть над атомизированной и мистифицированной массой, представляющей собой не живое общество, а реестр, каталог, т. е. гротескный постсоциальный мир. В этом мире жизнь определяется следующей формулой: что продано, что котируется на рынках, у кого сколько капитала; тот не человек, кто не налогоплательщик, — а бытие определяется правом на кредит».

Одним из создателей этого «четвертого Рима» является Генри Киссинджер, продолжающий, несмотря на свой почтенный возраст, «челночные рейсы» по всему миру.

В. Поликарпов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

(Из книги Г. Киссинджера «Дипломатия»)

В каждом столетии, словно следуя некоему закону природы, похоже, появляется страна, обладающая могуществом, волей, а также интеллектуальными и моральными стимулами, необходимыми, чтобы привести всю систему международных отношений в соответствие с собственными ценностями. В XVII веке Франция при кардинале Ришелье предложила новый тогда подход к вопросу международных отношений, основывавшийся на принципах государства-нации и провозглашавший в качестве конечной цели национальные интересы. В XVIII веке Великобритания разработала концепцию равновесия сил, господствовавшую в европейской дипломатии последующие двести лет. В XIX веке Австрия Меттерниха реконструировала «европейский концерт», а Германия Бисмарка его демонтировала, превратив европейскую дипломатию в хладнокровную игру силовой политики.

В XX веке ни одна страна не оказала столь решительного и одновременно столь амбивалентного влияния на международные отношения, как Соединенные Штаты. Ни одно общество не настаивало столь твердо на неприемлемости вмешательства во внутренние дела других государств и не защищало столь страстно универсальности собственных ценностей. Ни одна иная нация не была более прагматичной в повседневной дипломатической деятельности или более идеологизированной в своем стремлении следовать исторически сложившимся у нее моральным нормам. Ни одна страна не была более сдержанной в вопросах своего участия в зарубежных делах, даже вступая в союзы и беря на себя обязательства, беспрецедентные по широте и охвату.

Специфические черты, обретенные Америкой по ходу ее исторического развития, породили два противополож-

ных друг другу подхода к вопросам внешней политики. Первый заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потому служит путеводным маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе. Разрываемая между ностальгией по патриархальному прошлому и страстным стремлением к идеальному будущему, американская мысль мечется между изоляционизмом и вовлеченностью в международные дела, хотя со времени окончания второй мировой войны превалирующее значение приобрели факторы взаимозависимости.

Оба направления мышления, соответственно трактующие Америку либо в качестве маяка, либо как борца-крестоносца, предполагают в качестве нормального глобальный международный порядок, базирующийся на демократии, свободе торговли и международном праве. Поскольку подобная система никогда еще не существовала, ее создание часто представляется иным чем-то утопическим, если не наивным. И все же исходивший из-за рубежа скептицизм никогда не замутнял идеализма Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта или Рональда Рейгана, да и, по существу, всех прочих американских президентов XX века. Во всяком случае, он лишь подкрепил веру американцев в то, что ход истории можно переломить и что если мир действительно жаждет мира, то он должен воспользоваться американскими рецептами морального порядка.

Оба направления мышления являются продуктами американского опыта. Хотя существовали и существуют другие республики, ни одна из них не создавалась сознательно в целях утверждения и защиты идеи свободы. Никогда ни в одной другой стране население не избирало своей задачей освоение нового континента и покорение его диких пространств во имя свободы и процветания всех. Таким образом, оба подхода, изоляционистский и миссионерский, столь противоречивые внешне, отражают общую, лежащую в их основе веру в

то, что Соединенные Штаты обладают лучшей в мире системой управления и все прочее человечество может достигнуть мира и процветания путем отказа от традиционной дипломатии и принятия свойственного Америке уважительного отношения к международному праву и демократии.

* * *

Вхождение Америки в международную политику превратилось в триумф веры над опытом. С того момента, как в 1917 году Америка вышла на мировую политическую арену, она была до такой степени уверена в собственных силах и убеждена в справедливости своих идеалов, что главные международные договоры нынешнего столетия стали воплощением американских ценностей — начиная от Лиги наций и пакта Бриана — Келлога вплоть до Устава Организации Объединенных Наций и Заключительного акта совещания в Хельсинки. Крушение советского коммунизма знаменовало интеллектуальную победу американских идеалов, но по иронии судьбы поставило Америку лицом к лицу с таким миром, появления которого она на протяжении всей своей истории стремилась избежать. В рамках возникающего международного порядка национализм обрел второе дыхание. Нации гораздо чаще стали преследовать собственный интерес, чем следовать высокоморальным принципам, чаще соперничать, чем сотрудничать. И мало оснований полагать, будто старая как мир модель поведения переменилась либо имеет тенденцию перемениться в ближайшие десятилетия.

А вот действительно новым в возникающем мировом порядке является то, что Америка более не может ни отгородиться от мира, ни господствовать в нем. Она не в силах переменить отношения к роли, принятой на себя в ходе исторического развития, да и не должна стремиться к этому. Когда Америка вышла на международную арену, она была молода, крепка и обладала мощью, способной заставить мир согласиться с ее видением международных отношений. К концу второй мировой войны в 1945 году Соединенные Штаты обла-

дали таким могуществом, что казалось, будто им суждено переделывать мир по собственным меркам (был момент, когда на долю Америки приходилось примерно 35% мировой валовой товарной продукции).

Джон Ф. Кеннеди уверенно заявил в 1961 году, что Америка достаточно сильна, чтобы «заплатить любую цену, вынести любое бремя» для обеспечения успешного воплощения идеалов свободы. Три десятилетия спустя Соединенные Штаты уже в гораздо меньшей степени могут настаивать на немедленном осуществлении всех своих желаний. До уровня великих держав доросли и другие страны. И теперь, когда Соединенным Штатам брошен подобный вызов, приходится к достижению своих целей подходить поэтапно, причем каждый из этапов представляет собой сплав из американских ценностей и геополитических потребностей. Одной из таких потребностей является то, что мир, включающий в себя ряд государств сопоставимого могущества, должен основывать свой порядок на какой-либо из концепций равновесия сил, то есть базироваться на идее, существование которой всегда заставляло Соединенные Штаты чувствовать себя неуютно.

Когда на Парижской мирной конференции 1919 года столкнулись американская трактовка внешней политики и европейские дипломатические традиции, трагически очевидной стала разница в историческом опыте. Европейские лидеры стремились подправить существующую систему привычными методами; американские же миротворцы искренне верили, что Великая война явилась следствием не каких-либо неразрешимых геополитических конфликтов, но характерных для Европы и порочных по сути интриг. В своих знаменитых «Четырнадцати пунктах» Вильсон поведал европейцам, что отныне система международных отношений должна строиться не на концепции равновесия сил, а исходя из принципа этнического самоопределения, что их безопасность должна зависеть не от военных союзов, а от коллективных действий, и что их дипломатия более не должна быть тайной и находиться в ведении специалистов, а должна основываться на «откры-

тых соглашениях, открыто достигнутых». Безусловно, Вильсон добивался не столько обсуждения условий окончания войны или восстановления существовавшего международного порядка, сколько преобразования всей системы международных отношений, функционировавшей на протяжении почти трех столетий.

Ибо как только американцы принимались рассуждать по поводу внешней политики, то приходили к тому, что все трудности, переживаемые Европой, порождены системой равновесия сил. И с того момента, как Европа впервые вынуждена была проявлять интерес к американской внешней политике, ее лидеры с подозрением отнеслись к принятой на себя Америкой миссии реформировать мир. Каждая из сторон вела себя так, будто другая сторона произвольно избрала метод дипломатического поведения, но окажись одна из них более мудрой или менее воинственной, она бы выбрала какой-либо иной, более приемлемый метод.

* * *

На самом деле как американский, так и европейский подходы к внешнеполитическим проблемам являлись производными их собственных, уникальных условий существования. Американцы заселили почти пустынный континент, огражденный от держав-хищников двумя огромными океанами, причем их соседями были весьма слабые страны. И поскольку Америка не сталкивалась ни с одной из держав, с силами которой ей надо было бы обрести равновесие, она вряд ли задалась бы задачей поддержания подобного равновесия, даже если бы ее лидерам пришла в голову невероятная мысль скопировать европейские условия для народа, повернувшегося к Европе спиной.

Дилеммы безопасности, вызывавшие душевную боль и муки у европейских стран, не имели отношения к Америке почти сто пятьдесят лет. А когда они ее коснулись, Америка дважды приняла участие в мировых войнах, начатых европейскими нациями. В каждом из этих случаев к тому моменту,

как Америка оказалась вовлечена в войну, принцип равновесия сил уже не действовал, из чего проистекала парадоксальная ситуация: то самое равновесие сил, которое с негодованием отвергало большинство американцев, оказывается, как раз и обеспечивало их безопасность, пока оно функционировало в соответствии с первоначальным замыслом; и именно его нарушение вовлекало Америку в сферу международной политики.

Европейские страны избрали концепцию равновесия сил как способ урегулирования межгосударственных отношений вовсе не из врожденной страсти к ссорам и сварам или характерной для Старого Света любви к интригам. Если демократия и принципы международного права стали основополагающими для Америки вследствие свойственного только ей ощущения безопасности, то европейская дипломатия была выкована в горниле тяжких испытаний.

Европа была брошена в пучину политики равновесия сил тогда, когда ее первоначальный выбор — средневековую мечту об универсальной империи — постиг крах, и на развалинах прежних грез и устремлений возникла группа государств, более или менее равных по силе. И когда государства, появившиеся на свет подобным образом, вынуждены были взаимодействовать друг с другом, возможны были только два варианта: либо одно из государств этой группы окажется до такой степени сильным, что сможет господствовать над другими и создать империю, либо ни одно из них не окажется достаточно сильным для достижения подобной цели. В последнем случае претензии наиболее агрессивного из членов международного сообщества будут сдерживаться совокупностью всех прочих; иными словами, посредством функционирования равновесия сил.

Система равновесия сил не предполагала предотвращения кризисов или даже войн. Функционируя нормально, она, согласно замыслу, лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью ее был не столько мир, сколько стабильность и

умеренность. По сути своей система равновесия сил не в состоянии полностью удовлетворить каждого из членов международного сообщества; наилучшим образом она срабатывает тогда, когда способна снизить уровень неудовлетворенности до такой степени, при которой обиженная сторона не стремится ниспровергнуть международный порядок.

Теоретики системы равновесия сил часто представляют дело так, будто бы она как раз и является естественной формой международных отношений. На самом деле система равновесия сил в истории человечества встречается крайне редко. Западному полушарию она вообще неизвестна, а на территории современного Китая она в последний раз применялась в конце эпохи «сражающихся царств» более двух тысяч лет назад. На протяжении наиболее длительных исторических периодов для подавляющей части человечества типичной формой правления была империя. У империй не было никакой заинтересованности действовать в рамках международной системы; они сами стремились быть международной системой. Империи не нуждаются в равновесии сил. Именно подобным образом Соединенные Штаты проводили внешнюю политику на всей территории Американского континента, а Китай на протяжении большей части своего исторического существования — в Азии.

* * *

На Западе единственными примерами функционирующих систем равновесия сил могут служить государства-полисы Древней Греции и государства-города в Италии эпохи Возрождения, а также система европейских государств, порожденная Вестфальским миром 1648 года. Характерной особенностью всех этих систем являлось превращение конкретного факта существования множества государств, обладающих примерно равной мощностью, в ведущий принцип мирового порядка.

С интеллектуальной точки зрения концепция равновесия сил отражала убеждения всех крупнейших политических мыслителей эпохи Просвещения. Согласно их представлени-

ям, вселенная, включая сферу политики, функционировала на основе рациональных принципов, уравнивающих друг друга. Внешне будто бы не связанные друг с другом действия разумных людей якобы должны были в совокупности вести к всеобщему благу, хотя в век почти не прекращающихся конфликтов, последовавших за окончанием Тридцатилетней войны, доказательства подобной гипотезы носили весьма иллюзорный характер.

Адам Смит в своем труде «Богатство наций» утверждал, что будто бы «невидимая рука» из эгоистических экономических деяний индивидов извлекает всеобщее экономическое благополучие. В статьях «Федералиста» Мэдисон доказывал, что в достаточно крупной республике различные политические «фракции», эгоистично преследующие собственные интересы, способны при помощи автоматически действующего механизма выковать надлежащую внутреннюю гармонию. Концепции разделения властей, а также сдержек и противовесов, представленных Монтескье и воплощенных в американской конституции, отражают ту же точку зрения. Целью разделения властей было предотвращение деспотизма, а не достижение гармоничной системы управления; каждая из ветвей системы управления, преследуя собственные интересы, но воздерживаясь от крайностей, должна была служить делу достижения всеобщего блага. Те же принципы применялись к международным отношениям. Предполагалось, что, преследуя собственные эгоистические интересы, всякое государство все равно служит прогрессу, а некая «невидимая рука» в конце концов сделает так, что свобода выбора для каждого из государств обернется благополучием для всех.

В течение более чем одного столетия казалось, что ожидания эти сбылись. После пертурбаций, вызванных Французской революцией и наполеоновскими войнами, европейские лидеры на Венском конгрессе 1815 года восстановили равновесие сил, и на смену ставке на грубую силу стали приходить поиски умеренности в отношении поведения стран на международной арене благодаря введению моральных и юри-

дических сдерживающих факторов. И все же к концу XIX века система европейского равновесия вернулась к принципам силовой политики, причем в обстановке гораздо большей бескомпромиссности. Бросать вызов оппоненту стало привычным методом дипломатии, что привело к бесконечной цепи силовых испытаний. Наконец, в 1914 году возник кризис, из которого никто не пожелал выйти добровольно. Европа после катастрофы Первой мировой войны так и не вернула себе положение мирового лидера. В качестве главного игрока возникли Соединенные Штаты, но Вудро Вильсон вскоре дал понять, что его страна вести игру по европейским правилам отказывается.

Никогда за всю свою историю Америка не участвовала в системе равновесия сил. В период, предшествовавший двум мировым войнам, Америка пользовалась выгодами от практического функционирования принципа равновесия сил, не принимая участия в связанном с ним политическом маневрировании и позволяя себе роскошь вволю порицать этот принцип. Во времена холодной войны Америка была вовлечена в идеологическую, политическую и стратегическую борьбу с Советским Союзом, когда мир, где наличествовали две сверхдержавы, функционировал на основе принципов, не имевших никакого отношения к системе равновесия сил. В биполярном мире гипотеза, будто бы конфликт приведет ко всеобщему благу, изначально беспочвенна: любой выигрыш для одной из сторон означает проигрыш для другой. По существу, в холодной войне Америка одержала победу без войны, то есть ту самую победу, которая вынудила ее взглянуть в лицо дилемме, сформулированной Джорджем Бернардом Шоу: «В жизни существуют две трагедии. Одна из них — так и не добиться осуществления самого сокровенного желания. Другая — добиться».

Американские лидеры так часто трактовали свои ценности как нечто само собой разумеющееся, что крайне редко сознавали, до какой степени эти ценности могут восприниматься другими как революционные и нарушающие при-

вычный порядок вещей. Ни одно иное общество не утверждало, будто этические нормы точно так же применимы к ведению международных дел, как и к поведению индивидуумов — иными словами, такого рода представление в корне противоречит сущности *raison d'état* Ришелье. Америка утверждала, что предотвращение войны является столь же законным деянием, как и дипломатический вызов, и что она выступает не против перемен как таковых, а против определенной методики перемен, в частности против использования силы. Какой-нибудь Бисмарк или Дизраэли высмеял бы одно лишь предположение, будто бы предметом внешней политики является не столько суть совершающихся событий, сколько метод их совершения, если бы подобное вообще находилось в пределах их понимания. Ни одна из наций никогда не предъявляла к себе моральных требований, как это сделала Америка. И ни одна из стран не терзалась разрывом между абсолютным по сути характером своих моральных ценностей и несовершенством той конкретной ситуации, где их следовало применить.

* * *

Во времена холодной войны уникальный, присущий одной лишь Америке подход к вопросам внешней политики был в высшей степени адекватен вызову. В условиях глубокого идеологического конфликта лишь одна страна — Соединенные Штаты — обладала всей совокупностью средств — политических, экономических и военных — для организации обороны некоммунистического мира. Нация, находящаяся в подобном положении, в состоянии настаивать на собственной точке зрения и часто способна уйти от проблем, стоящих перед государственными деятелями обществ, находящихся в менее благоприятном положении, ведь средства, имеющиеся в распоряжении последних, обязывают их добиваться целей менее значительных, чем их чаяния, причем ситуация потребовала бы даже этих целей добиваться поэтапно.

В мире времен холодной войны традиционные концепции силы были существенным образом подорваны. В большинст-

ве исторических ситуаций имел место синтез военного, политического и экономического могущества, причем в целом наличие оказывалась определенная симметрия. В период холодной войны различные элементы могущества стали четко делиться друг от друга. Бывший Советский Союз являлся в военном отношении сверхдержавой, а в экономическом смысле — карликом. Другая страна вполне могла быть экономическим гигантом, а в военном отношении — ничтожно малой величиной, как в случае с Японией.

После окончания холодной войны различные элементы могущества обретут, вероятно, большую гармонию и симметрию. Относительная военная мощь Соединенных Штатов будет постепенно уменьшаться. Отсутствие четко обозначенного противника породит давление изнутри, дабы переключить ресурсы на выполнение других первоочередных задач, не связанных с оборонной сферой, причем этот процесс уже начался. Когда угроза более не носит универсального характера и каждая страна оценивает с точки зрения собственных национальных интересов угрожающие конкретно ей опасности, те общества, которые благополучно пребывали под защитой Америки, будут вынуждены принять на себя более значительную долю ответственности за свою безопасность. Таким образом, функционирование новой международной системы приведет к равновесию даже в военной области, хотя для достижения подобного положения могут потребоваться десятилетия. Еще четче эти тенденции проявятся в экономической сфере, где американское преобладание уже уходит в прошлое, — бросать вызов Соединенным Штатам стало более безопасно.

Международная система XXI века будет характеризоваться кажущимся противоречием: фрагментацией, с одной стороны, и растущей глобализацией, с другой. На уровне отношений между государствами новый порядок, пришедший на смену холодной войне, будет напоминать европейскую систему государств XVIII–XIX веков. Его составной частью станут по меньшей мере Соединенные Штаты, Европа, Китай, Япо-

ния, Россия и, возможно, Индия, а также великое множество средних и малых стран. В то же время международные отношения впервые обретут истинно глобальный характер. Передача информации происходит мгновенно; мировая экономика функционирует на всех континентах синхронно. На поверхность всплывет целый ряд проблем, таких как вопрос распространения ядерных технологий, проблемы окружающей среды, демографического взрыва и экономической взаимозависимости, решением которых можно будет заниматься только в мировом масштабе.

Согласование различных ценностей и самого разнообразного исторического опыта у сопоставимых с Америкой по значимости стран будет для нее новым явлением, крупномасштабным отходом как от изоляционизма предшествующего столетия, так и от гегемонии де-факто времен холодной войны, причем каким образом это осуществится, постарается прояснить настоящая книга. В равной степени и другие основные участники игры, приспособляясь к возникающему мировому порядку, сталкиваются с рядом затруднений.

Европа — единственная часть современного мира, где функционировала система одновременного существования множества государств, — является родиной концепций государства-нации, суверенитета и равновесия сил. Эти идеи господствовали в международных делах на протяжении почти трех столетий подряд. Но никто из прежних приверженцев на практике принципа *raison d'état* не силен до такой степени, чтобы стать во главе нарождающегося международного порядка. Отсюда попытки компенсировать свою относительную слабость созданием объединенной Европы, причем усилия в этом направлении поглощают значительную часть энергии участников этого процесса. Но, если бы даже они преуспели, под рукой у них не оказалось бы никаких апробированных моделей поведения объединенной Европы на мировой арене, ибо такого рода политического организма еще никогда не существовало.

На протяжении всей своей истории Россия всегда стояла особняком. Она поздно вышла на сцену европейской политики — к тому времени Франция и Великобритания давно прошли этап консолидации, — и к этой стране, по-видимому, неприменим ни один из традиционных принципов европейской дипломатии. Находясь на стыке трех различных культурных сфер — европейской, азиатской и мусульманской, — Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из этих сфер, и поэтому никогда не являлась национальным государством в европейском смысле. Постоянно меняя очертания по мере присоединения ее правителями сопредельных территорий, Россия была империей, несравнимой по масштабам ни с одной из европейских стран. Более того, после каждого очередного завоевания менялся характер государства, ибо оно вбирало в себя совершенно новую, беспокойную нерусскую этническую группу. Это было одной из причин, почему Россия ощущала себя обязанной содержать огромные вооруженные силы, размер которых не шел ни в какое сравнение со сколь-нибудь правдоподобной угрозой ее безопасности извне.

Разрываясь между навязчивой идеей незащищенности и миссионерским рвением, между требованиями Европы и искушениями Азии, Российская империя всегда играла определенную роль в европейском равновесии, но в духовном плане никогда не была его частью. В умах российских лидеров сливались воедино потребности в завоеваниях и требования безопасности. Со времен Венского конгресса Российская империя вводила свои войска на иностранную территорию гораздо чаще, чем любая из крупных держав. Аналитики часто объясняют русский экспансионизм как производное от ощущения отсутствия безопасности. Однако русские писатели гораздо чаще оправдывали стремление России расширить свои пределы ее мессианским призванием. Двигаясь вперед, Россия редко проявляла чувство меры; наталкиваясь на противодействие, она обычно погружалась в состояние мрачного не-